

Лялька. Закон бандита

Автор:

Ирина Лисовская

Лялька. Закон бандита

Ирина Лисовская

После побега из дома, жизнь стала сплошным адом, вечным побегом от самой себя и разыскивающих меня людей отчима. Но даже такое жалкое существование было лучше, чем обитать под одной крышей с монстром. В итоге, я намеренно изуродовала себе лицо и, наконец, обрела желанное успокоение. К сожалению, ненадолго. Ошибки прошлого так удачно однажды постучали в мою дверь... Содержит нецензурную брань.

Ирина Лисовская

Лялька. Закон бандита

ПРОЛОГ

– На этот раз, Лялька, ты сама ко мне пришла, – от его жесткого и нетерпеливого голоса я вздрогнула. – Короче, заканчивай ломать комедию, ты тратишь мое драгоценное время. Очевидно, ты ни на что не способна. Тем более, теперь ты – подпорченный товар, – напомнил, указывая на мою щеку. – Зачем мне изуродованная кукла?

Ухмыльнулся, подлив масла в огонь. Я и так на иголках из-за наспех принятого решения. Нелегко вот так по щелчку пальцев забыть о принципах и добровольно отдать себя в руки хозяина. Не такой жизни хотела для себя, но отчим не оставил мне выбора: или муки в лапах жесткого тирана, или смерть. Или быть куклой другого более влиятельного авторитета. Меня знобило каждый раз, когда алчная морда отчима появлялась перед глазами. Продал меня, как какую-то китайскую безделушку! Из-за него мне приходится унижаться и ползать на коленях перед другим бандитом в надежде на кров и защиту. На спасение. Из двух зол выбирают меньшее, но правильный ли я сделала выбор?

Давай же, Ева, ты сможешь! Забудь все, что связано с матерью, это в прошлом. Ноги одеревенели, я не смогла сделать шаг, так и стояла посреди кабинета, как вкопанная.

Мужчина удерживал мой затравленный взгляд несколько мгновений, затем с раздражением хмыкнул. Он уже постепенно начинал терять всякий интерес и с большей охотой разглядывал свои начищенные до блеска туфли.

– Лялька, ты начинаешь бесить, – зверь недовольно поджал губы. – Мне неинтересно принуждать тебя, срывать одежду, насиловать, – внезапно его голос стал скучающим. – Мне нужна баба, которая с охотой раздвинет ноги и будет стонать, как шлюшка, от удовольствия. Я получаю от этого кайф, понимаешь? Зависим похлеще, чем от наркоты.

Вся моя былая уверенность в одно мгновение исчезла, но на месте удержал страх. Кислый привкус застрял во рту, а гнилые слова отчима снова ворвались в подсознание и подтолкнули к действию.

– Я все сделаю! – резко выпалила, боясь, что могу передумать в любой момент. – Не гони меня, прошу!

На ватных ногах подошла и опустилась на колени перед мощным зверем, склонила голову. Высокий и широкоплечий, он мог одним взмахом руки переломить меня, как соломинку. Но не делал этого, ждал.

Унижение перед ним – ничто по сравнению с лютым страхом, который окутывал тело и сознание. Дрожащими и холодными пальцами расстегнула пояс на джинсах, расстегнула молнию.

Зверь помог мне приспустить штаны вместе с боксерами. Он больше ничего не сделал, просто закинул руки за голову и выжидал, как хищник, сладостный момент, затаил дыхание.

Он хотел опытную любовницу, подобно покорной гейше, чтобы ублажала его желания и похоть, а я не знала даже, как правильно сделать минет. Боже, Ева, во что ты добровольно ввязываешься? Нужно бежать сломя голову, пока не поздно, пока не захлопнулась дверца золотой клетки!

Куда бежать, и есть ли смысл? Мне нужна защита, а не вечный побег и скитания, рано или поздно они меня все равно найдут и тогда...

– Прекращай пялиться на член и соси, – рявкнул зверь, я вздрогнула от его командного тона и вжала голову в плечи, забыла, о чем размышляла секунду назад. – Или ты думаешь, мой член встанет от одного твоего взгляда? Прекращай ломаться, как гребаная целка, я теряю интерес.

Если бы он только знал, как близок оказался к истине, но я промолчала. Проглотила все унижительные слова, они жалили внутренности и скручивали их в узел, убеждала себя, что смогу перебороть себя. Ведь могу это сделать, не так ли?

Зверь устал ждать, он с рыком схватил мою ладонь и сомкнул мои пальцы на члене. Кожа оказалась приятной на ощупь, бархатной и нежной. Мускусный запах мужчины вмиг окутал меня, от этого побежали приятные мурашки по коже. Я аккуратно дернула рукой вверх-вниз, затем еще раз, член понемногу увеличивался в ладони.

– Да, вот так, – прохрипел мужчина, – подрочи немного, прежде чем возьмешь в свой сладкий рот.

Грязные слова зверя действовали на меня странно: кровь закипала в жилах, я чувствовала, как возбуждение томительной негой оседает внизу живота, скручивает его от потребности.

Мужчина возбудился, я убрала руку и засмотрелась. Огромный, толстый член, со вздутыми венами, он выглядел как монстр, слишком большой, нереальный...

Одной рукой зверь нетерпеливо схватился за основание пениса, а второй надавил на мой затылок, вынуждая опуститься ниже, поклониться члену. Электрический импульс прошелся по всему телу, я задрожала от наплыва эмоций. Принуждение, как пряная острота, будоражило кровь и сознание, охватывало тело и мысли животной похотью.

Зверь надавил на меня, сжал волосы в кулак, причинив легкую боль, пришлось подчиниться и вобрать в рот головку. Он не дал мне времени привыкнуть, резким движением толкнулся бедрами вперед, врываясь фактически на всю длину. Застонал.

Нет! Слишком много, слишком жестко... Горло сжалось от рвотного спазма, я оттолкнулась руками от зверя, а он и дальше напирал, невзирая на мои протесты. Грубо и дерзко, но я все равно ощутила влагу между ног, разве такое возможно? Что со мной... не так?

Отгнав от себя мысли, провела языком по уздечке, вобрала член глубже и пососала. Я действовала интуитивно, хоть и не сосала никогда, но видела много раз, как это делают девицы в порно. Внезапный стон поощрил меня, я схватилась второй рукой за член и стала надрачивать, пока игралась языком с головкой. Постепенно завелась настолько, что сосала так, будто от этого зависела вся моя жизнь, хотя так оно и было...

– Да, черт возьми... – прохрипел он. – Продолжай, я скоро кончу...

Чувства прошлись по коже мелкими иголочками, оголяя все нервные окончания и жаля. Это была не я, а какая-то темная сторона во мне, дремавшая до этого момента, ждущая освобождения. Я не хотела чувствовать себя развратной шлюшкой, но почему-то именно такое определение приходило на ум. Грязная, похотливая самка в течке! Стою на коленях перед бандитом, умоляю его принять меня в роли личной куклы и сосу так упоительно, как будто это мороженое в жаркий день.

Мужчина напрягся, а я почувствовала, как он одеревенел, а плоть стала тверже камня во рту. Пара секунд – и на язык брызнула солоноватая жидкость, зверь с рычанием кончил мне в рот. Не выходил, пока последняя капля не скатилась по моим губам.

– Глотай! – четкий приказ, от которого невозможно отказаться.

Я охотно подчинилась, зверь удовлетворенно кивнул. Он был расслаблен, убажжен до крайней точки, в то время как у меня между ног пылало от возбуждения. Живот скрутило спазмом, а влага в трусиках начала причинять дискомфорт.

Взгляд, подернутый дымкой похоти, вдруг сосредоточился на мне. Минута молчания казалась вечностью, ведь я ждала приговор, от которого зависела моя дальнейшая жизнь.

– Я еще не принял окончательное решение, – резанул, как лезвием по живому, ухмыльнулся. – Докажи, что лучше той, которую я взял, после твоего недавнего отказа...

ГЛАВА 1

Я встала около двери в спальню хозяина и мысленно уговаривала себя войти. Мужчина все еще был там, мог ходить голым или спать, а потому мне стало неловко отрывать человека от привычного дела.

На сегодня это был мой единственный заказ в клининге, поэтому я намеренно тянула резину в надежде, что Бехтеров выйдет, дав мне возможность закончить уборку. В листе обязанностей хозяйская спальня была обведена красным маркером с пометкой, что этому пункту следует уделить особое внимание.

Во всем доме натыканы камеры, у меня нет возможности долго стоять без дела, на посту заметят и поторопят. Могут и оштрафовать! Вмиг кожей почувствовала на себе надменный взгляд одного из охранников, обыскивающего меня перед входом в дом, и поежилась. Козлина, специально облапал мою грудь и нахально ухмыльнулся второму верзиле, будто только что сорвал куш. Была бы его воля, даже в трусики залез бы. А вдруг у меня там оружие?!

Девочки из клининга предупреждали, чтобы я никогда не брала на себя уборку дома Бехтеровых добровольно, но это был едва ли не единственный дом, где хозяева не парились по поводу проверки личности, только досмотр. И платят в три раза больше. Я специально искала такую работу, чтобы не светить лишний раз паспорт. По нему меня могли вычислить...

Руслан Бехтеров, по слухам, безжалостный авторитет, распространитель по городу всякой дряни и ужасно жестокий человек. Он создал себе имя на костях врагов, с ним никто не желает связываться – себе дороже. Девочки приходили в ужас, когда из его дома поступал заказ на уборку. Ни одна из них не хотела сюда приходить добровольно, ни за какие деньги. А я пришла. Без робости и стеснения, с высоко поднятой головой. Это работа, за которую платят огромные деньги, в моем положении глупо отказываться от заработка, если со дня на день вышвырнут из арендованной комнаты. На одну только уборку я могу прожить целый месяц, не парясь о завтрашнем дне. Зарплату задерживают по каким-то непонятным причинам, но только мне, странно. Обычно Бехтеров вызывал клининг раз в две недели, на этой же неделе меня зовут уже в третий раз. Конкретно меня и никого больше. Возможно, это как-то связано с задержкой денег? Я плохо выполняю свою работу, хозяин хочет сказать мне об этом лично? Это были самые безобидные догадки, но я не так наивна, чтобы верить в подобную чушь.

Вздыхнула и, набравшись смелости, постучала в дверь. Больше нельзя оттягивать, нужно принять вызов с достоинством.

– Входи, – пригласил меня голос, от которого побежали мурашки по коже.

Строгий и жесткий, командный! Сколько бы я ни храбрилась ранее, но паника никуда не делась. Она сжимала внутренности в тиски, а каждый шаг был словно по минному полю. Ты в любой момент можешь попасть в немилость, и все, спокойная жизнь окончена. Не мне ли об этом знать на собственной шкуре?..

Переступая порог комнаты, я уже догадалась, чем закончится сегодняшний день – ничем хорошим для меня, увы. Коробило от одной только мысли, что снова всему виной мое кукольное лицо и стройная фигура. Я люто ненавижу модельную внешность, доставшуюся мне от матери в наследство. Красота была моей слабостью и билетом в ту ужасную жизнь, которую прожила мать. Сколько себя помню, мне завидовали другие девчонки, подражали и набивались в подруги. А я с огромной охотой поменялась бы с ними местами, чтобы стать

незаметной. Парадокс!

Возможно, я не ошиблась в своих догадках, с широко расставленными ногами Бехтеров в одних джинсах сидел на диване. Вальяжно, как хозяин положения, перед которым следует склонить голову. Раньше я видела его лишь мельком, когда приходила и уходила из дома. У меня не было возможности разглядеть темный образ бандита, теперь же предстал как на ладони.

Красив, гад, не прикопаешься. Даже отросшая борода добавляла его образу брутальность, подчеркивала образ плохого парня. Самца, вышедшего на охоту... на неотесанного зверя. Хищника, ждущего свою жертву.

Тело огромное, как скала, натренированное и сильное. Мощное. Израненное. На груди и плечах, животе я заметила большие раны. Отвратительные ожоги, поверх некоторых Бехтеров набил татушки: на правом плече и руке, на левой груди. Я могла лишь догадываться, что произошло с мужчиной в прошлом, мне миг подурнело. Чтобы отмерли клетки, кожа должна была гореть долгое время... Чувствуя, как тошнота подкатила к горлу, я задышала глубже через нос и абстрагировалась от мыслей. Не моя проблема! Он бандит, авторитет, подобные увечья – норма их жизни. Закалка характера.

От Бехтерова исходила сильная аура, она окружила меня и окутала в плотный кокон, из которого невозможно выбраться без потерь. Он жестокий монстр, а я овечка на его ужин. Все это отражалось в его ледяном, надменном взгляде. Я выстояла под натиском сурового взора, даже не вздрогнула. За много лет у меня выработался иммунитет на подобные трюки. Мужчину взбудоражило мое поведение, он шумно вдохнул, и я отчетливо заметила похоть в бесстыжих глазах. Очередное подтверждение того, зачем я здесь стою. Как же хотелось ошибаться...

– Мне нужно прибраться в комнате.

Руслан выгнул бровь, услышав мой четкий голос. Я не сбилась и не запнулась, совсем не то, что он ожидал. А что ты думал? Буду робеть и блеять, как покорная козочка? Не будет этого! Я так устала плясать под чужую дудку, хочу нормальной, спокойной жизни!

– Нравится драить чужие унитазы, Лялька? – его губы растянулись в кривой ухмылке.

Уже и прозвище мне придумал – так мило, сейчас зарыдаю! Я промолчала, ответ слишком очевиден, а врать, будто это призвание всей моей жизни – идиотизм. Работа есть работа. Она может не нравиться, но жить на что-то нужно.

– Язык проглотила? – он хмыкнул. – Впрочем, любая баба хочет красивой жизни, а тебе стоит только попросить, и жизнь быстро наладится.

Что это, если не намек? Я мысленно досчитала до пяти и только потом ответила:

– Уж не на себя ли намекаете, господин Бехтеров?

Усмешка на его лицо стала зловещей, это была явная угроза, предупреждение: не лезь, убьет! Пришлось отступить.

– Покажи сначала себя в деле, – циничные слова ударили по самолюбию, – отсоси мне для начала, посмотрим, на что ты годишься.

Слова, как хлесткая пощечина, отрезвили меня. Кровь забурлила в венах, и разум затуманился яростью. Это была последняя капля моего железного спокойствия, на этот раз не вышло сдержать рот на замке:

– Отсоси себе сам, урод!

Руслан поднялся. Эмоциональные качели прошедшей недели пошатнули меня настолько, что я снова полезла в пасть к тигру, не имея при себе никакой защиты. И бежать некуда, отступила еще на шаг, но Бехтеров быстро схватил меня за горло и ощутимо сжал на нем пальцы. Гнев только рос, он растекся палящим адреналином по венам, открывая для меня второе дыхание. А ведь мне может повести, как и с отчимом...

Я потянулась рукой Бехтерову за спину и возликовала, когда вытащила из-за пояса джинсов пистолет. Так легко было направить дуло ему в грудь, без особых усилий. Это была чистая импровизация, но рискнуть стоило, на кону стояли моя жизнь и благополучие.

– Стреляй, чего же ты ждешь? – Руслан хрипло рассмеялся, а я продолжала уверенно удерживать пистолет.

Спустя долгие секунды промедления он язвительно выпалил:

– Струсила, Лялька?

Ловким движением Бехтеров вырвал пистолет из рук, и теперь дуло было приковано к моему лбу. Я не струсила, как он думает. Руслан не знает, что однажды все это уже было в моей жизни... Мой грязный секрет и ночной кошмар. Ни один мускул не дрогнул на моем лице, внешне я оставалась спокойной, но внутри... Желудок отчаянно свело от паники, тошнота подкатила к горлу. Это был чистый адреналин, даже с парашютом прыгать не нужно.

Мужчина жестче вдавил дуло в лоб, пытаясь запугать сильнее, и заговорил:

– Я привык получать то, что хочу, Лялька. И если я захочу, чтобы твой рот сосал мой член, ты тут же встанешь на колени и начнешь сосать. Без возражений, с энтузиазмом, как чертово мороженое на палочке.

Странно, что он говорит, а не делает. Бехтеров мог без усилий разорвать на мне бесформенную робу и нагнуть над кроватью, изнасиловать. В его доме полно охранников и шестерок, я бы даже пикнуть не посмела, приди на выручку к боссу хотя бы пара из них. Руслан словно оставлял мне выбор и, пока он имелся, сдаваться я не собиралась.

– Тогда лучше выстрели, потому что, я не стану этого делать даже под дулом пистолета, – произнесла с холодной решимостью, удивляя бандита.

Врала, конечно, себе и ему, но вдруг сработает? Я слишком часто видела, как поступал отчим с матерью, на что принуждал ее идти силой, и точно знаю, что не хочу для себя такой жизни. Ни за какие деньги в мире. Да я лучше изуродую себя и разжирею, но жить, как она, никогда не буду! Пуля в лоб – слишком радикальное решение, но я уже ступила на зыбкую почву, но не могла знать наверняка, как поступит Руслан. Таких людей нереально прочесть, их действия хаотичны и переменчивы, как погода за окном.

Бехтеров что-то увидел в моих глазах, усмехнулся и убрал пистолет, отошел на два шага назад. Я все еще не дышала и плевать, что легкие начали гореть огнем. Мой взгляд был прикован к руке с оружием, оно в любой момент могло выстрелить.

Наконец, Бехтеров спрятал пистолет за пояс штанов, а я шумно выдохнула. Ощутила себя так, будто погладила льва и лишь чудом не лишилась руки. Жизни! Адреналин хлынул по венам, как огонь, я едва не свалилась на пол из-за ослабших коленей. Но ведь еще не конец, я все еще в его клетке, в его власти.

– Ты мне нравишься, Лялька, – говорит он вдруг, пристально глядя мне в глаза, пленяя. Во взгляде вспыхнуло пламя, а твердая решимость испугала меня до икоты. Я уже подсознательно знала ответ, но втайне надеялась, что ошиблась.

– Даю тебе выбор: или ты становишься моей... – пауза длилась слишком долго, я не выдержала накала.

– Или?.. – едва прохрипела, чувствуя явный подвох.

– Или убирайся из моего дома, города. Спокойной жизни здесь, Лялька, я тебе не дам.

Шок сковал мышцы, перехватил горло. Слова Бехтерова, как чертово дежавю, измывались надо мной и снова лишали спокойной жизни. Ну, почему так?! Неужели и мать жила с монстром, потому что другого выбора не было?

– Х-хорошо, – голос дрожал, пришлось прочистить горло. – Я уеду, мне нужно немного времени, чтобы заработать денег на переезд.

Бехтеров лишь рассмеялся от сказанного, ему чхать на мои проблемы. Лишь на долю секунды внутренний голос позволил мне засомневаться: может, лучше принять предложение? Руслан не похож на отчима, тот не церемонился бы, не ставил бы условий, взял бы свое – и точка. Жестко, быстро, без лишних слов.

– Не надо было спорить со мной, Лялька, – грубо бросил Бехтеров. – Каждая шавка в подворотне знает свое место, знай и ты. Мое слово здесь – закон. А законам, Лялька, нужно подчиняться.

И я еще думала, будто он лучше отчима? Нет! Такой же бездушный монстр, повелитель чертовой жизни. Кто я против него? Мелкая букашка, раздавит – и даже плакать никто не будет, искать. Что же делать? Денег кот наплакал, мне ведь так и не заплатили за предыдущую уборку, а других заказов не давали. И за эту работу, казалось уже, что ничего не получу. Ладно, прорвусь. Не в первый раз убегать впопыхах и без денег.

– Даю тебе два дня, – смиренно соглашается палач. – Не уберешься с глаз моих долой – я церемониться не буду, Лялька.

– Я уеду через несколько дней, больше вы меня не увидите.

ГЛАВА 2

Сердце громко колотилось в груди, мне пришлось остановиться и отдышаться. Я бежала, не разбирая дороги, в непонятном направлении. Меня гнали инстинкт самосохранения и страх, что шестерки авторитета погонятся следом. Да, он дал мне отсрочку, но вдруг это была хитрая уловка перед охотой?

Оглянулась и хмыкнула, увидев знакомый район. Ноги сами привели меня к дому, где вместе с еще одной девочкой из клининга я снимала квартиру. Убогая дыра, без обоев на стенах и с минимумом мебели. Хотя бы есть крыша над головой, и то хорошо.

Не помню, как выскочила из дома и миновала охрану Бехтерова, меня никто не остановил, чтобы обыскать. Все произошло, как в тумане. Дура ты, Ева! Кто просил лезть на рожон?

«Хвоста» за мной не было, я специально долго простояла около подъезда и, убедившись, что путь чист, пошла домой. Вроде и не заметила никого рядом, но кожей явно ощутила на себе чужой взгляд. Где-то там таилось зло, оно выжидало удобный момент, чтобы вскоре напасть... растерзать...

Паникуя, мигом открыла дверь, юркнула в квартиру и быстро захлопнула за собой дверь, отдышалась. Закрыла замки. Будто бандита сможет удержать деревянная дверь. Ее без усилий можно с ноги снести, было бы желание! Ощувив, как волосы на затылке встали дыбом, попятилась от греха подальше и ненароком врезалась в тумбу. С нее свалились ключи и расческа моей соседки Маши.

Ева, блин! Прекращай себя накручивать, ничего страшного не произойдет! Бехтеров дал пару дней на сборы, он ведь держит слово, не так ли? Если только живет по собственному закону и придерживается его. Я успокаивала себя или искала новые лазейки для паники?

- Как прошло?

Маша испугала меня, ее голос в абсолютной тишине прозвучал неожиданно. Особенно когда витаешь в мыслях и трясешься от каждого шороха. После побега из родного города я пугалась собственной тени, мне везде мерещились рыскающие верные псы отчима. Боялась засыпать, каждую ночь снился кошмар: оглушающий выстрел, кровь и хриплый голос: «Я тебя найду, сука!»

Что же произошло тогда на самом деле, ищут ли меня? Я в спешке собралась и удрала через окно второго этажа. Было плевать, что больно ударила рукой и боком, поцарапала ногу, когда неудачно приземлилась на землю, адреналин бил ключом внутри. Я не чувствовала боль в тот момент, мне нужно было убежать и только об этом могла думать. Люди отчима слышали выстрел, они в любой момент могли догнать меня и притащить обратно к монстру. И уже тогда...

- Эй, Эва, - Маша щелкнула пальцами около моего лица, отвлекая от страшных мыслей. - Ты побледнела, с тобой все хорошо?

Я качнула головой, горло сжалось из-за дурных воспоминаний, они все еще нависали над головой грозовой тучей. Я ни фиги не в порядке, абсолютно! В голове такой отчаянный хаос, что хоть добровольно в могилу падай. Меня ищут шестерки отчима, а теперь еще и Бехтеров вынуждает покинуть его город. Будет ли он искать меня в другом месте, станет ли угрожать, принуждать быть с ним? Или быть с другими, по его похотливому желанию... А если изуродую себя, буду ли я все еще нужна ему? И отчиму? Возможно, это и есть мой выход...

Эмоции клокотали внутри, как беспокойный рой пчел, я перестала различать тонкую грань между реальностью и мыслями. Мне нужно было срочно что-то сделать, обезопасить себя ото всех! Не важно, куда перееду – везде будет ждать одно и то же. Я завязана в криминальном мире, я... вероятно... убила человека и меня рано или поздно объявят в розыск!

– Ева, ты меня пугаешь! – панически закричала Маша.

Я полностью стерла грань реальности, мною руководили дикие эмоции, меня вел внутренний голос... Он нашептывал, что именно нужно делать, как спасти себя. Нужно взять нож...

– Блин, Ева! Брось нож! Сумасшедшая...

Поздно, слишком, поздно! С неконтролируемой яростью я одним махом распоролла себе щеку, без сожаления и сомнений. Кто-то толкал на поступок, может, идиотизм или страх – не важно. Агония вмиг прострелила тело, я не смогла устоять на подкашивающихся ногах и упала на пол. Мне показалось, что лицо горит в огне, это была невыносимая боль, на грани обморока... Я отчаянно кричала и била кулаками по полу, но не от кровоточащего пореза, а от того, что творилось в душе. Я выплескивала из себя словно губкой впитанные воспоминания минувших лет о матери и постепенно избавлялась от страха за свою жизнь. Давно пора было освободиться, а я продолжала копить в себе обиду и страх, теперь они лопнули, как воздушный шарик.

Слезы затуманили глаза, я почувствовала, как кто-то потряс меня за плечо, что-то произнес невнятное, слова тонули в моем отчаянном крике. Спустя некоторое время, наконец, страдания закончились, мир перед глазами померк...

Я с трудом открыла глаза и увидела перед собой мужчину в белом халате. Он смотрел на меня с легкой долей отвращения, а в глазах застыло непонимание.

Мне было сложно сконцентрироваться, сознание туманилось, словно вчера я выпила пару бутылок вина, но стреляющая боль в щеке мигом отрезвила меня.

Аккуратно прикоснулась пальцами к повязке и поморщилась. Значит, я реально распоролла себе щеку. Собственными руками... Обалдеть. Губы растянулись в едва заметной улыбке, теперь стала понятна странная реакция врача. Это было так волнительно – знать, что на тебя больше не смотрят, как на сочный бифштекс.

Раньше я часто думала о том, чтобы изуродовать себя, но мне всегда не хватало смелости причинить себе боль. Видимо, вчера настала крайняя точка кипения, совсем не помню, как взяла нож и распоролла щеку, как попала в больницу по итогу. Зато прекрасно помню слова Бехтерева, именно они стали ключом к отчаянию...

– Итак, Ева, как вы себя чувствуете? – спросил у меня доктор. – Вы помните, что с вами произошло?

Я кивнула. Прекрасно помню и уже никогда не забуду. Отвлеклась на секунду от доктора и взглянула по сторонам. Со мной в палате лежали еще две женщины. Заметила, что они обе затаили дыхание и пристально слушали. Наверняка Машка уже всем в ярких красках растрепалась о моем странном поступке. Не хотелось привлечь лишнее внимание, но его уже не избежать. Черт... А как меня записали при поступлении? Свой паспорт я надежно запрятала, Машка и другие девчонки, даже начальница, не знали моей настоящей фамилии. Я ее специально выдумала, чтобы дольше оставаться незамеченной. В клининге мы работаем неофициально, начальнице не нужны были мои документы. Главное – хорошо убираться и не косячить.

Кто-то громко постучал в дверь палаты, а затем на пороге показался мужчина в форме. О, нет, нет, нет! Только не это! От паники я вся сжалась, ощутила, как похолодели пальцы на руках. Мне захотелось провалиться сквозь землю, лишь бы не встретаться с полицейским. Зачем они его вызвали? Разве Маша не сказала, что это я себя порезала? Просто несчастный случай...

Доктор рукопожатием поздоровался с полицейским, затем внимание мужчин сосредоточилось на мне. Белобрысый мент пристально осмотрел меня, а я его. Симпатичный, высокий молодой человек. Форма сидела на его поджаром теле идеально, подчеркивая развитую мускулатуру. Его внимательный взгляд остановился на моей щеке. В удивительно зеленых, как сочная трава летом, глазах, отразилось сожаление, а затем радужку заволокло лютой яростью. Узнал? О, боже... Неужели я в розыске, и мент меня только что опознал по

фотороботу? Я сильнее вжалась в кровать, тяжело сглотнула и ждала своего неминуемого приговора.

- Что здесь, нападение? Почему нам не сообщили? Дикое варварство - портить такую красоту.

Стальной голос обратился к врачу, тот пожал плечами, а я выдохнула, но вновь захотела провалиться сквозь землю.

- Найду - руки поотрываю! - зарычал мент.

Блин, ну почему снова так много проблем?! Полицейский глядел на меня с заинтересованностью, его не волновало увечье. Как же так? Я была абсолютно уверена, что с испорченной внешностью перестану привлекать внимание. Неужели ошиблась? Зато врач был абсолютно равнодушен, заговорил вдруг:

- Здесь нет криминала, девушка порезала себя сама.

От иронии в его голосе я выдавила из себя нервный смешок. Кожа на щеке неприятно натянулась, пришлось заткнуться. Подумают еще, что я сумасшедшая и переведут в психиатрическое отделение. Хотя, можно ли расценивать порез щеки, как суицид? Бред же!

Мужчины обменялись взглядами. Я пристально наблюдала за каждым из них, ничего нельзя упускать из виду. Спустя пару секунд врач хмыкнул и вышел из палаты, а мент обратился к моим соседкам по палате:

- Оставьте нас на пару минут.

Он не просил, приказывал. Без вежливости в голосе, грубо и требовательно. Женщины подчинились, ушли, хотя с большей охотой грели бы уши и дальше. Наверное, даже я встала и вышла бы после командного голоса полицейского.

- Как тебя зовут? - тембр изменился, стал ласковым и тягучим, как соленая карамель.

Мент взял стул и присел рядом с моей кроватью. Я наблюдала за ним с широко раскрытым ртом и пыталась понять, что происходит. Он хотел поговорить без свидетелей, будто знал мой грязный секрет и готов был за отдельную плату молчать...

- Е-е-е-ва... - протянула я и испуганно икнула.

Мужчина тепло усмехнулся, кивнул головой. Блин, Ева, что с тобой? Значит, когда сопротивлялась и наставляла дуло пистолета на опасного бандита Бехтерова, не боялась, а перед обычным ментом дрожишь?

Что-то в нем меня сильно смутило. Не возникло безграничного доверия, как к борцу за правду и справедливость. К тому же, его явная заинтересованность могла мне навредить, такой без проблем разнюхает правду...

- Ева, - повторил за мной попугаем, смакуя имя на языке. - Я Максим. Не трясись, как испуганный котенок, Ева. Можешь рассказать правду, кто причинил тебе боль? - ласковый тембр располагал к себе, но меня так просто не проведешь.

Неужели сложно поверить в то, что человек сознательно покалечил себя? Другие совершают суицид: режут вены, прыгают с крыши, вешаются, стреляют себе в висок. А я лишь порезала щеку. Все. Вот почему этот мент смотрел на меня так нежно, с теплой улыбкой на лице... Зачем это все?!

- Никто, - буркнула в отчаянии. - Сама так решила.

Он не поверил: скептически хмыкнул и неожиданно взял меня за руку. Жар пополз мурашками по телу, я вздрогнула от касания сильной руки. Мужественной, мозолистой лапищи. Она полностью накрыла мою утонченную ручку, как от проблем, встала плотной стеной. Это был скрытый жест со смыслом.

- Я вижу, что ты испугана, в твоих милых глазах затаился страх. Вот это, - он аккуратно прикоснулся к повязке на щеке, практически невесомо, - не должно остаться безнаказанными. Кто-то угрожал тебе, Ева, изуродовал. Это было предупреждением, я прав? Если так, тебе срочно нужна защита. Откройся мне.

Почему его голос прозвучал колыбельной для моих ушей? Успокаивающе, нежно, искренне! Может, плюнуть на условности, поддаться порыву и рассказать Максиму о моих проблемах?

И уже раскрыла рот, как вдруг опомнилась. Что я творю? Наслушалась красивых речей и растеклась лужицей у ног мента! Что он может против авторитета? Максим мелкая сошка в огромной иерархической цепочке. Даже если попытается помочь, все равно уткнется в глухую стену. Его могут покалечить или даже убить...

- Всем красивым девушкам льешь мед в уши? - гаркнула на него.

Я выдернула ладонь из блаженной теплоты - нужно думать головой, Ева! Оставайся вменяемой и не слушай пустой треп. Максим усмехнулся, его глаза смеялись над ситуацией, сам же мужчина оставался хладнокровным.

- Только тем, которые нуждаются во мне.

Я фыркнула, отказываясь смотреть в наглющие глаза мента, они порочно влияли на меня, даря ложную надежду. Какой смысл обманывать себя? Я восемнадцать лет прожила под одной крышей с влиятельным монстром и знаю, что полиция на коротком поводке у бандюков. Неужели теперь волшебным образом что-то изменилось? Сомневалась.

- Спасибо, но я в помощи не нуждаюсь. Найди себе другую жертву для разового секса.

Макс хрипло рассмеялся, а у меня от его смеха заныло внизу живота. Бабочки словно с ума сошли, и я вместе с ними... Да почему ж ты такой обольстительный, гад?! Невероятно сладкий, аж облизнуть хочется...

- Думаешь, я бы стал напрягаться, предлагать помощь и защиту лишь ради разового секса? - мент поднялся. - Не будь наивной, Ева, и запомни: ради женской дырки мужчины не совершают подвиги. Особенно когда по улицам ходит масса доступных девиц, готовых с радостью раздвинуть ноги. В любой момент. Без проблем и ребусов. Так что же я выберу в итоге, котенок?

Он хотел сказать что-то еще, но заткнулся и махнул рукой, вышел из палаты. Я сразу ощутила себя паршиво, будто меня только что пнули в живот. Разве не этого ты хотела, Ева? Чтобы мент ушел и отстал от тебя, так радуйся!

- Ты мне не сможешь помочь, - прошептала себе под нос.

Был ли он искренен со мной? Мне казалось, Максим не так прост, каким кажется на первый взгляд. Пришел тихо, из ниоткуда, и так же внезапно ушел, оставив меня в гордом одиночестве. Предлагал помощь, реально считая, что я не могла себя покалечить. В какой-то степени мент прав - мне нужна помощь, но... Если я действительно убила человека, от таких людей, как Макс, мне нужно держаться подальше.

Теоретически я могла бы согласиться стать игрушкой Бехтерова и попросить защиту, но не хотела. Мать восемнадцать лет прислуживала отчиму и всем его дружкам, стала покорной шлюшкой, потерявшей собственное «я». Наблюдая за ее жизнью, я навечно выжгла в голове одну единственную непоколебимую мысль: жить, как она, никогда не буду! Даже если очень прижмет...

Я смогу убежать, остаться незамеченной, затеряться в толпе. Готова на любые изменения во внешности, даже если буду драить унитазы до конца своих дней - пусть так. Это лучше, чем жить в золотой клетке с призрачной защитой и помощью. Тем более, если бандит в один прекрасный день решит пустить меня по кругу, как отчим маму. Это же круто, когда игрушку долбят во все дыры за твои косяки. Ранят, бьют, снова пускают по кругу... И все потому, что долбаный отчим слишком часто подставлял не тех людей.

Я мгновенно зажала уши рукой, мне показалось, что вопли мамы до сих пор в моем подсознании. Ненавижу отчима, презираю всеми фибрами души! Я вновь взяла бы пистолет и пристрелила бы сволочь, он должен сдохнуть, как подзаборная крыса, за все страдания, которые причинил нам.

ГЛАВА 3

Пока ждала медсестру в процедурной, задумалась. Сегодня я должна убраться из города, но парадокс заключался в том, что из больницы меня должны были выписать только на следующий день.

Два дня я судорожно реагировала каждый раз, когда открывалась дверь в палату. Подпрыгивала на кровати, как ужаленная, соседки не раз подшучивали надо мной, считая мое поведение глупым и смешным.

Я с опаской ждала появления Бехтерова или его шестерок. Придумывала каждый час новую причину, почему мне нужна отсрочка еще на пару дней. Втайне надеялась, что из-за увечья Руслан потеряет ко мне интерес и оставит в покое, ведь до сих пор никто так и не пришел. Казалось, до меня никому нет дела. Начальница пожелала скорейшего выздоровления, быстро нашла, кем меня заменить. Даже Машка не пришла, хотя я позвонила ей и попросила зайти, как появится минутка. Хотела извиниться перед ней за свою глупую выходку, представляю, какой шок пережила бедная подруга.

Мысли об ищейках отчима старалась гнать подальше. Я уехала в другой конец страны, к черту на куличики. Под чужой фамилией, без кредитных карт и прочего. Должны пройти годы, чтобы ищейки взяли мой след. Если я на самом деле убила отчима, возможно, кроме полиции никто меня искать не будет. Я даже не знала, что из этого хуже...

Сразу вспомнился мент, и я приуныла. Затронул, гад, струны моей души, его лицо стояло перед глазами. Теплая улыбка и добрые глаза. Как ни странно, я ждала его, хоть и понимала, что чудес не бывает. Сердце все равно отчаянно билось в груди с надеждой, ему не объяснишь, не прикажешь. Мент гордый, не пришел, оставил разбираться с проблемами в одиночку. Так даже лучше. Я бы не простила себя, случись с ним беда.

Вошла медсестра и отвлекла от мыслей. Сняла мне повязку, быстро обработала швы. Три стежка – не много, но достаточно, чтобы остался уродливый шрам. За прошедшие дни я ни разу не пожалела о своем поступке, красота не принесла мне счастья, так может, ее отсутствие уберезет от будущих проблем?

Я слышала накануне, как шушукались медсестры в коридоре, обсуждали меня, называли идиоткой. Одна из них вздохнула и сказала:

- Мне б такую симпатичную мордашку, уж я бы нашла, как ею воспользоваться.

Другие поддержали. Глупые! За все в жизни приходится платить и порой слишком высокую цену. Даже богатые папики и те держат своих моделей на коротком поводке, еще ни одна содержанка не радовалась своему положению. По крайней мере, я таких не встречала.

Вошел врач, осмотрел щеку, что-то пробубнил себе под нос и чиркнул пару слов в историю болезни.

- Готовь пациентку на выписку. Через три дня придете, снимем швы.

Доктор в последний раз взглянул на мое увечье и цокнул языком. Я заметила отвращение на его лице, мысленно возликовала. Меня зашивали тят-ляп, потому что поступила без денег и документов, я не расстроилась.

Медсестра отправила меня в палату собирать вещи, пока она заполняет документы. А мне и собирать-то особо нечего. Машка, как я поняла, наспех собрала мне в больницу кое-что: длинную домашнюю футболку и чистую одежду на выход.

Спустя пять минут я была готова. Попрощалась с соседками, мы обменялись короткими фразами, больше здесь оставаться не было никакого желания.

Домой отправилась пешком - все равно денег нет на проезд. У меня осталось в заначке две тысячи рублей, но этого разве что хватит на билет. Куда теперь ехать?..

И все же, я не могла покинуть город, пока не снимут швы. Может, Бехтеров уже забыл обо мне? Или узнал про больницу, сжалился. Было бы хорошо!

Пока шла, заметила, что многие люди намеренно опускают глаза, хотя у меня на лице еще осталась повязка, за ней не видно шрама. В целом, я осталась довольна, настроение стремительно ползло вверх, и уже ничто не могло его испортить! Даже если прямо в тот момент из-за угла появился бы Бехтеров.

Домой я добралась в приподнятом настроении. Машка открыла мне дверь, удивилась, пропустила в квартиру.

- Сорян, работы много было, не смогла к тебе вырваться.

Тупая отмазка, но я сделала вид, что поверила. На ее месте я поступила бы точно так же, глупо обижаться на очевидные факты. Зашла в комнату, огляделась, все ли на своих местах. Тайник, где спрятала паспорт, выглядел нетронутым: сверху накидана гора одежды, создавая иллюзию моей неряшливости.

- Ев, тут такое дело... - Машка топталась на пороге комнаты, я напряглась, подмечая ее нервозность.

Неужели здесь побывал Бехтеров. Или... я остолбенела, думая про рыскающих шестерок отчима. Нет, Ева, соберись! Шестерки отчима действуют грубой силой, они бы избили Машу до полусмерти, выуживая нужную им информацию. А она целехонькая...

- Тебе придется искать другую соседку по комнате.

Я выругалась себе под нос и шумно выдохнула. Блин, умеет же она навести шороха. Облегчение накрыло тело теплой волной, не было в квартире никого, какое счастье.

- Не беда, - махнула рукой. - Скорее всего, я сама скоро съеду.

- Правда? - Машка удивилась. - А куда планируешь переехать? В смысле, к кому?

Подруга тараторила и явно нервничала. К чему столько вопросов? Не все ли равно? Я же не спрашиваю ее, куда она переезжает, хотя тоже любопытно.

- А ты к кому? - задала прямой вопрос в лоб.

- Так я... это... квартиру сняла... ну... блин, нашла вариант лучше этого, денег поднакопила и вот...

И она думает, я поверю в эту сбивчивую чушь? Не умеет Машка врать и придумывать на ходу. В чем же дело, неужели выживает для кого-то информацию? Даже при всем моем желании я бы не сказала, куда еду. Банально, сама не знаю. Пусть хоть пытается меня, все равно рассказывать нечего.

– Давай снимать вместе, – я решила идти до конца, хотелось понять, что происходит. – Меня тоже достала эта халупа, деньги найду, не проблема. Вместе же веселее, правда?

Маша молчала некоторое время, а потом цокнула языком и раздраженно гаркнула:

– Парень у меня появился, ясно? Будем жить вместе с ним, так что ты там никаким боком не прижмешься.

Отчего же столько злости в голосе, будто я собиралась увести у нее молодого человека! Столько таинственности напустила, хотя ответ банальный. Ну, нашла, молодец, рада за нее. Скрывать зачем? Неужели тараканы в голове посоветовали? Машка сразу подбоченилась, напыжилась, как ежик.

– Расслабься, – я хохотнула, умиляясь с нервозности подруги. – Как только мне снимут швы через пару дней, я перееду в другой город. Здесь нет перспектив, работы мало. Хочется двигаться вперед, а не топтаться на одном месте.

Подруга купилась на мое вранье, мигом выдохнула и расслабилась. Неужели она реально думала, что я захочу увести ее парня? Вон как растянулась улыбка на лице после слов «перееду в другой город». Я не хотела переезжать и, если бы оказался хоть малейший шанс избежать этого, схватилась бы за него обеими руками.

– Вот и правильно, – поддакнула Машка. – Городок у нас небольшой, достойной работы мало. Я и сама вон чужие квартиры драю, оно мне надо? А ты обязательно найдешь себя, вот увидишь!

Вряд ли в ближайшее время я смогла бы найти приличную работу. Хотя уже не раз думала, как жить дальше. Мне нельзя было официально устраиваться на работу и светить документы. Как только пойдут отчисления в пенсионный фонд, ищeyки отчима сразу узнают мой адрес. Не пристрелила я его, а, скорее, ранила,

и все. Он ищет меня, я знала точно, отчим не даст спокойной жизни. Не после того, что я натворила. Для нормальной жизни мне нужны были липовые документы, но где ж их взять? Хоть к Бехтерову снова иди! Парадокс...

Наконец, мне сняли швы и разрешили ходить без повязки. Дома я приклеилась к зеркалу и внимательно изучала свое лицо. Изуродована половина щеки, рубец хоть и выглядит отвратительно, но недостаточно противно. Я не смогла ранить себя глубже, так бы стежков было больше.

Выйдя из ванной (только там имелось зеркало), вошла к себе в комнату, уселась на кровать. И что дальше? Куда ехать и ехать ли вообще? Бехтеров как в воду канул. Я больше не ощущала на себе чужие взгляды, как в тот день, когда ушла из его дома. Какова вероятность, что про меня забыли?

Машка уже собрала свои вещи, наутро собиралась съезжать из квартиры. К сожалению, она не оставила мне никакого шанса для маневров, заранее предупредила хозяйку, и бабуля уже подыскала новых жильцов. Как же все быстро у нее срослось...

В любом случае, не позднее конца недели я обязана была съехать с квартиры. Сегодня вторник. На часах показывало пять вечера, если поторопиться, еще успевала на вокзал, чтобы, для начала, примерно прикинуть, куда можно переехать. Начальница хоть и расплатилась со мной, но содрала огромную неустойку за нарушения и уволила. Получается, все равно другого выбора не оставалось – нужно переезжать.

На вокзале я проторчала до наступления темноты, нашла для себя парочку приемлемых городов, специально загуглила о них информацию, так и убила время. Осталось выбрать из двух что-то одно и сразу ехать.

Город опустел к этому времени. Пока могла, я шла исключительно по освещенным улочкам, но путь к нашему с Машкой дому был без фонарей. Мы с ней всегда носили в сумочке газовый баллончик, этот район всегда слыл ужасной репутаций, но пока ничего криминального не происходило. Лишь пару раз приставали хулиганы и все.

Сегодня явно был не мой день. Я свернула с дороги и зашла в переулок, как вдруг раздался громкий выстрел. Затем еще два... Сердце отчаянно заколотилось в груди, я мгновенно полезла за баллончиком и держала его при себе, пока боролась с первичным шоком. Выстрелы прекратились, нужно брать себя в руки и валить! Послышались голоса, их было несколько: два четких и один хриплый, в котором отчетливо различались нотки боли... А ведь там кого-то ранили, ему нужна помощь! Не глупи, Ева, уходи, пока сама цела!

Я не смогла. Что-то толкало меня вперед, возможно, отчаянный мужской крик и явные звуки избиения...

Наконец, я подошла настолько близко, что смогла разглядеть происходящее. Трое с остервенением избивали мужчину, лежащего на асфальте. Он сгруппировался, прикрывая лицо, а уроды колотили его, как чертову грушу в зале. Руками и ногами, не щадя, будто их цель – убить.

– Эй, я полицию вызвала! Прекратите, – крикнула дрогнувшим голосом.

Мурашки побежали по коже, а волосы на затылке встали дыбом. Меня колотило от переизбытка эмоций, ситуация в любой момент могла принять дурные обороты. Мужики остановились, обернулись. Боже, три темные фигуры сосредоточились на мне, как на случайном свидетеле... Один из них достал пистолет и направил на меня дуло, я остолбенела от шока. Думай, Ева... Думай! Я слышала свое собственное сердцебиение и пыталась справиться с нахлынувшими страхами, они не давали ясно мыслить. Дура, дура! Зачем полезла? Теперь тебя грохнут...

– Умолкни, тварь! – проорал ублюдок, а я нервно дернулась в сторону, ожидая выстрела. Вот и все... закончилась моя жизнь...

Выстрел прогремел как гром среди ясного неба. Секунда... две... три... Я не ощутила ни боли, ничего. Меня не задела! Облегчение ударной волной адреналина прошлось по телу электрическим разрядом, я проморгалась и заметила, что трое отморозков снова бьют бедного мужчину. Но теперь он сидел на асфальте, как если бы до этого встал на ноги...

Неужели он помог мне?! Пистолет того ублюдка валялся неподалеку, его явно выбили из руки, поэтому пуля просвистела вдалеке. Вот бы мне поднять пистолет каким-то образом.

Я потихоньку поползла за оружием, но меня на полпути остановил вой сирен. Трое здоровяков напряглись, сирены выли все ближе и ближе, будто полицейские ехали именно к нам.

- Черт, стерва вызвала ментов, - прогрохотал один из нападавших.

- Мы тебя запомнили, сука, - выкрикнул другой, а затем обратился к раненному мужчине: - Повезло тебе и на этот раз, мразь. Мы еще вернемся, так и передай брату.

- Валим, - третий запаниковал, увидев проблески красных маячков полицейской машины.

Поверить не могу, что все закончилось! Запомнили они меня, как же! Да завтра ноги моей не будет в этом городе, хватит с меня проблем. Я подползла к раненному мужчине, из его правой ноги струилась кровь.

- Нужно вызвать скорую, вы ранены.

- Спасибо, Кэп, - прохрипел бедолага.

Действительно, будто мужчина и без моих подсказок не заметил пулю в бедре, кровь. По иронии полиция проехала мимо, но они так удачно свернули через переулок нашего двора! Только благодаря этому мы спасены.

Я достала телефон, уже собралась набирать номер, но мужчина больно схватил меня за руку.

- Нет.

- В вас стреляли, избили, вам нужна помощь, - настаивала я.

- Дай сюда, - отобрал телефон.

И как у него все еще хватает сил бороться? Телефон уже был разблокирован, мужчина сощурился от яркого экрана, с трудом набрал цифры. – Черт... я отключаюсь, – прохрипел он, вручил мне смартфон. – Звони... ему... быстро.

Я разнервничалась, когда мужчина потерял сознание; пока на том конце шли гудки, судорожно искала пульс у пострадавшего на шее. Он был, но нечеткий и слабый, блин! Да почему же так долго никто не берет трубку? Я уже была на грани позвонить в скорую, наплевав на протесты мужчины. Понятное дело, они вызовут участкового, здесь же огнестрел! Хотя... ведь и меня начнут таскать на допросы, попросят документы...

– Кто это? – отвлек от дурных мыслей грозный голос.

Почему он мне показался знакомым?..

– Я... Я... – Как объяснить ситуацию? – Мне номер дал ваш...

Все разумные мысли покинули голову, пульс у мужчины все слабел и слабел...

– Вашего друга ранили и избили, – я с отчаянием кричала в трубку из-за паники, не хотелось, чтобы на моих руках умер незнакомец. – Пожалуйста, приезжайте скорее, он умирает...

– Где?! – от командного, рычащего тона я подскочила на месте, быстро продиктовала адрес и услышала четкий приказ: – Оставайся с ним, помоги ему, если сможешь.

Звонок оборвался. Чем можно помочь? Меня осенило, и я сняла с себя ремень, туго затянув ниже раны на бедре, чтобы попытаться уменьшить кровотечение. Лицо мужчины – сплошное кровавое месиво, те ублюдки постарались на славу и реально могли его убить, если бы я не вмешалась.

Нервозность возрастала с каждой пройденной минутой, я постоянно проверяла пульс и молилась, чтобы друзья мужчины приехали как можно скорее.

Во что я опять ввязалась? Очевидно же, что его избили бандиты, и я теперь у них на прицеле. Надо было валить как можно скорее, здесь становилось

совершенно не безопасно.

Мне и раньше приходилось видеть слишком много жести. Живя с авторитетом под одной крышей, никогда нельзя быть уверенной в завтрашнем дне... Я сама не раз держала пистолет в руке и даже стреляла, спасаясь. Похоже, эта дебильная жизнь преследует меня везде!

Рев мотора отвлек от мыслей, я встала и потихоньку попятилась обратно в тень. Теоретически просьбу того человека выполнила: дождалась подмоги, перетянула зияющую рану. Было две машины, с первой еще на ходу высочила крупная тень и сразу бросилась к раненному. Я боялась, что меня заметят и притащат к главарю, поставят на колени и потребуют объяснений. Ведь их товарищ едва живой, лежит на сырой земле, практически умирает, а я единственная, кто оказалась рядом. Они могут посчитать меня сообщницей тех уродов...

- Где девка? - рявкнул тот, что выскочил на ходу.

Его голос был мне знаком, или так показалось... Я тяжело сглотнула и юркнула глубже во мрак переулка, нужно бежать, пока есть возможность.

- Велел же быть рядом! - он злился, а я не хотела попасть под горячую руку.

- Бэха, не кипятись, - к ним подошел еще один, - как он? Довезем?

- Если мы его не доведем... - Бэха лютовал. - Найду каждого, разорву голыми руками и отошлю по частям их хозяину!

Я крепко зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть от отчаяния. Беги, Ева, как можно скорее! Мужчину как раз поднимали с земли, я воспользовалась моментом и улизнула, забежала в подъезд и заперлась в квартире.

Сердце билось быстро-быстро, а из-за подскочившего пульса перед глазами поплыла картинка. Вот и помогла, ничего не скажешь. Кажется, только хуже себе сделала. Подставила себя. Надо убираться из проклятого города, не будет мне здесь спокойной жизни. Если не отчим, так Бехтеров достанет. А теперь еще прибавились неизвестные уроды и родственники раненного мужчины. Слишком

много людей меня ищут в последнее время. Напасть, не иначе.

К счастью, Машки не было в квартире, я быстро вымыла окровавленные руки, сняла с себя перепачканную одежду, на которой отпечатались алые разводы. Вещи нещадно испорчены. Я действовала по наитию – сразу упаковала все в пакет; по-хорошему бы сжечь вещи, но где здесь палить костер? Решила выбросить утром, от греха подальше. А в обед купить билет и свалить. Да, так и сделаю.

Меня колотило из-за пережитого ужаса, даже не столько напугала сама ситуация, сколько слова Бэхи о том, что разорвет обидчиков. Буду ли я в их списке? Боже, пусть они довезут мужчину, пусть он выживет, пожалуйста!

Всю ночь я не могла сомкнуть глаз. Ворочалась, пугалась каждого шороха за дверь. Машка явилась в три ночи, вошла тихо и закрылась в комнате, думая, что я сплю.

Даже под утро, когда за окном посветлело, сна не было. Я все думала, гадала: спасли или нет? Переживала за мужчину, будто мы старые добрые друзья.

В итоге встала в семь утра, выпила несколько чашек кофе, но они меня не взбудрили. Маша все еще дрыхла, хотя на работе надо быть в восемь.

– Эй, спящая красавица, – постучала ей в дверь. – Просыпайся, ты на работу опоздаешь.

Ноль реакции. Я постучала громче и настойчивее, чтоб подруга точно проснулась.

– У меня отпуск, хватит долбить.

Отпуск? Странно. Помнится, начальница со скрипом пускала девочек в отпуск, чем Маша заслужила такую роскошь? Я пожала плечами, это все теперь не мое дело. Надо собираться на вокзал, за билетами на автобус. Поезд – не вариант.

Шустро собралась, взяла пакет на выброс и спустилась вниз. Из-за нервозности и ночи без сна, везде мерещились преследующие меня глаза, каждая машина

была под подозрением. Да, Ева... Так и до психушки не далеко.

Выбросила пакет и побежала напрямик на вокзал. Вроде никто не ехал за мной, не следил. Накрутила себя, теперь дергалась по каждому взмаху листика.

Но все равно, беспокойно было на душе, тревога нарастала с каждой пройденной минутой. На вокзале я немного успокоилась – вокруг полно людей, здесь проще затеряться среди толпы зевак, чем на полупустых улочках.

Как и планировала накануне, купила билет на час тридцать. Все равно раньше ничего нет. Я нацелилась на промышленный городок: возможно, именно там мне удалось бы начать жизнь с чистого листа?

В квартире все еще оставались кое-какие вещи, неохотно покинула уютный зал и поплелась обратно домой. И все же, беспокойство было не зря. Как только начала переходить дорогу, передо мной с противным визгом затормозила машина, едва не сбив с ног. Водитель виртуозно сумел избежать наезда. Но вот когда из нее вышел крупный мужчина, я онемела от ужаса.

Бехтеров был мрачнее тучи, у него под глазами залегли темные круги, будто он не спал пару суток. Он пугал своим видом, в глазах горел огонь, способный сжечь все вокруг дотла. От страха попятилась назад, Руслан схватил меня за руку и с силой дернул на себя. Я угодила прямо в его каменную грудь, мужчина крепко удерживал меня на месте, не давая шанса сбежать. Это конец...

Спереди опустилось стекло, и пассажир прогремел нам:

– Быстрее, мы начинаем привлекать внимание.

Бехтеров силой запихал меня в джип, уселся следом, замки сразу защелкнулись, машина тронулась с места. В последние дни я жила на чистом адреналине, поэтому, когда он в очередной раз хлынул по венам, уже не удивлялась блаженному состоянию, сродни эйфории. Оно стало наркотиком для меня.

– Я... я... как раз купила билет и через несколько часов меня не будет в городе, пожалуйста... отпусти меня...

Слова дались с огромным трудом, я намеренно не смотрела Бехтерову в глаза, они полыхали лютым гневом, кто-то сильно разозлил мужчину, а отыгаться приехал на мне. На невинной, хрупкой девушке.

Я вдруг заметила зажатый ремень в кулаке Руслана. Присмотрелась и ахнула, это же мой ремень! Тот самый, который я накануне... О, нет! Нет, нет, нет!..

– Он жив?

Я с отчаянием взглянула в глаза Бехтерова, на моих выступили слезы. Вся картинка сложилась воедино. Мне не показалось, что голос был знаком, я спасла брата Бэхи... Или не спасла.

Радужка Руслана полностью почернела, мужчина продолжал лютовать, а я сразу пожалела, что выдала себя. Зачем?! Могла ведь сделать вид, что не узнала ремень! Они не могли найти меня, как? Это невозможно, именно я себя выдала только что, дура!

– Жив.

Одно слово, сколько же в нем смысла! Меня накрыло облегчением, я выдохнула и слабо улыбнулась, но лют в глазах Бэхи все еще не давала мне расслабиться. Зачем он приехал и что теперь сделает со мной? Бехтеров все еще крепко держал мою руку, кожа начала гореть от стального захвата, я отчаянно взвизгнула, хватка с каждой секундой становилась невыносимо болезненной.

– Пожалуйста, – прорыдала, – отпусти меня, мне больно. Я не сделала ничего плохого.

Бехтеров опомнился, разжал пальцы, но ладонь с руки не убрал, ласково погладил, словно таким образом просил прощение. Я растерялась, его глаза постепенно приобретали прежнюю голубизну, в них продолжала плескаться злоба, но так же четко различалось отчаяние и страх. Вероятно, страх потерять брата.

– Почему же ты не уехала, Лялька?

Это был не вопрос. Ирония или облегчение – совсем не те слова, которых я ожидала от Бэхи. Он пленял глазами, было в них что-то колдовское в этот самый миг, сладкое и порочное... Вероятно, я сходила с ума, но... откуда там вдруг взялась нежность? Как и в касании пальцев на моей руке.

– Останови у обочины, – приказал Руслан водителю.

Меня до сих пор не отпускали его глаза, почему я не могу отвести от них взгляд? Меня будто приковали к месту невидимыми гвоздями или загипнотизировали. Машина остановилась...

– Вышли, оба.

Два бугая одновременно покинули салон авто, я нервно сглотнула, бежать некуда. Даже если каким-то чудом удалось бы выскочить из машины, меня тут же остановят и вернут. Губы пересохли, я машинально облизала их, взгляд Бехтерова мгновенно переместился на мой рот. Там теперь плескалась жажда и похоть, Бэхе ничего не помешает взять меня, я в ловушке.

Минуты шли, я сидела на иголках в ожидании приговора или насилия, но Руслан даже с места не сдвинулся. Да что с ним такое?! Своим молчанием он скоро доведет меня до нервного припадка. Уже сделал бы что-то, а не мучил ожиданием, это самая худшая пытка, которую только можно придумать. Наконец, мужчина проморгался, тряхнул головой, будто прогоняя наваждение.

– Кто это сделал? – прорычал он вдруг, глядя на мою щеку, нежно прикоснулся мозолистыми пальцами к шраму. – Назови мне имя, и я вырву ему руку! – жесткий тон удивил меня. И, вместе с тем, всколыхнул потаенные желания...

Нет, с ним определенно что-то не так. Какое Бехтерову дело до моего увечья? Почему, черт возьми, все прицепились к нему, как к чему-то очень важному?

– Я это сделала, я! – воскликнула на эмоциях, спихивая руку Бэхи со щеки.

Он не поверил, нахмурился, а в глазах застыло недоверие. Достали, честное слово. И мент не поверил. Они сговорились?

– Что за чушь ты мне втираешь? Лялька, это мой город, если тебя запугали, нет смысла молчать. Скажи мне имя, и он пожалеет, что родился на свет.

– Ева Иванова.

Руслан насупился, а я скрестила руки на груди. Сам же просил имя моего обидчика – получи, распишись.

– Вот эта зараза обидела мою щеку, – подняла правую руку и покрутила ею в воздухе. – Можешь наказать ее.

Теперь он понял, поверил. Может, и не осознал мотивы, но глупых вопросов больше задавать не будет. Бехтеров задорно рассмеялся, схватил мою руку и опустил на пах.

– Я могу наказать ее только так.

Мне не составило труда вырвать ладонь. Бэха, как и тогда, не вынуждал меня делать то, чего я не хочу. Хотя бы за это он уже заслужил уважение и много плюсиков к карме.

– Ладно, шутки в сторону, – Руслан изменился в лице, стал серьезным и суровым. – Давай сюда билет.

Что? Я отрицательно качнула головой, он шутит? Нет! Мне нужно уехать, больше ни дня тут не останусь, хватит с меня.

– Лялька, не играй со мной в игры, – резкое предупреждение, – пожалеешь.

– Ты сам меня выгнал, я хочу уехать.

– Нет.

Четко и непоколебимо. Могла ли я с ним спорить? Могла ли отказать? Его мнение, как и настроение, менялось слишком стремительно.

- Я должна уехать, - аккуратно настояла на своем, но...

- Нет, теперь я запрещаю тебе уезжать из города. Рыпнешься - пожалеешь. Тебя вернут быстрее, чем успеешь глазом моргнуть.

- Ты в своем уме? - я кипела внутри от злобы и выплескивала ее на Бехтерова. - У меня нет работы, в пятницу придется съехать с квартиры, а еще те уроды вчера видели меня и обещали найти.

Бехтеров хмыкнул на мои слова, протянул раскрытую ладонь и равнодушно бросил:

- Билет.

- А не пойти ли тебе...

Что ж, кладя руку в пасть тигру, будь готова, что рано или поздно он тебя цапнет. Бехтеров скрутил меня, зажал руки за спиной и достал из заднего кармана джинсов билет. Они пасли меня... Видели, что покупаю и куда прячу. Черт, как они вычислили меня? Как это возможно, я ведь обезопасила себя.

Бэха разорвал билет на клочки и, открыв окно, выбросил из машины. У меня не было слов. Отчаяние захлестнуло внезапно, накрыло ударной волной и выбило твердую почву под ногами. Как мне быть дальше?

- Ты уже знал, что это я помогла твоему брату? - меня волновали детали.

Ведь если его люди смогли, смогут и шестерки отчима... Нельзя этого допустить, мне нужно лучше продумать свою защиту. Обезопаситься.

- Запомни, Лялька, - он опустил к моему лицу и заговорил прямо в губы, - я ненавижу игры в прятки. Я где тебе велел находиться?

Я промолчала. Теплое дыхание Руслана щекотало мои нервные окончания, мужчина не давил, не причинял боль, он... шептал слова мне в губы, а со стороны могло показаться, что мы целуемся. Если бы я ответила... наши губы сплелись бы в поцелуе...

Он долгое время молчал, ждал ответа, а я боялась того, что может произойти после. Эмоциональные качели стали слишком сильно и высоко раскручивать меня, беды не избежать. Я уже плохо контролировала себя, меня вел внутренний голос, а он предательски нашептывал: «Ответь, ты не пожалеешь?»

– Рядом с...

Вот оно... То, чего я боялась. Руслан смял мои губы, воспользовался моментом и пленил уста коварным способом. Рычал, требуя открыться ему, впустить алчный язык в рот.

Разве его напору можно сопротивляться? Я сдалась, раскрыла губы и поддалась внезапному порыву страсти. Так упоительно, сладко... жарко стало между ног. Я устала бороться, мне хотелось жить, как другие, опереться на сильное плечо, почувствовать себя защищенной во всех смыслах. Словно за закрытой, плотной стеной, укрывающей от всех невзгод. Бехтеров дарил это ложное чувство комфорта, в его действиях не было грубости. Он не стремился сломить меня или подчинить себе, мужчина желал ответной страсти, но...

Как только его ладонь пролезла под футболку и накрыла грудь, я отстранилась, зажалась в углу. Глаза Руслана полыхали, он завелся и уже вряд ли хотел выпустить меня просто так из машины. Я зажмурилась, повисла в его руках безвольной куклой. Пусть берет... Другого выбора нет. Борьба бессмысленна.

– Посмотри на меня.

Отрицательно качнула головой и еще сильнее зажмурилась, до белых мушек в глазах.

– Ева, открой глаза!

Надо же, он знает мое имя? Ни Лялька, ни как-либо еще, а именно Ева. Я подчинилась, ожидала увидеть гнев на лице и во взгляде, но этого не было. А то, что было, – нечитаемо.

– Стань моей, – просьба, которую невозможно было выполнить добровольно. – Я еще никогда и никому не предлагал дважды, – невзначай напомнил он о первом

разе в его доме. – Подумай, третьего уже не будет. Я хочу тебя до одури, но не силой, мне это неинтересно, не люблю трахать бревно. Буду хотеть, даже если плеснешь кислотой в лицо. Зря ты порезала себя, Лялька, не за красивую мордашку я желал получить тебя. Время вышло, отвечай.

Так хотелось согласиться, плюнуть на условности, но, вспоминая опыт мамы, меня бросало в крупную дрожь страха.

– Я не могу... – простонала со слезами на глазах.

Не могу и не хочу. Хочу другой жизни, спокойной, без криминала и разборок. С обычным, добрым мужчиной, без черного прошлого, как у меня. С тем, кто бы помог мне исцелить израненную душу. С Русланом так не выйдет. С ним – как на пороховой бочке. Каждый день – как последний.

– Третий раз я спрашивать не буду, – проговорил он сухо. – У меня есть девица на примете, ее и возьму в свой дом. А ты...

Бехтеров выпустил меня из плотного кольца сильных рук, но не из машины, разговор не был окончен. Есть девица на примете... Почему я почувствовала себя так, словно мне только что плюнули в душу, растоптали... Мне бы радоваться, но не я могла. Злилась. На него и себя, на свои странные чувства и желания. Почему они плещутся внутри ядом, отравляя внутренности и скручивая их в тугой узел?

– Твой поезд ушел. Иди и постарайся не попадать больше в неприятности. Вчерашних крыс я возьму на себя, они тебя не тронут – слово Бэхи. Я умею быть благодарным. Брат – это все, что у меня осталось, за него кому угодно горло перегрызу. Проваливай и живи своей странной жизнью дальше. И да, я знал, что Максу помогла ты, вычислил по телефону.

Он открыл предо мной дверь и вытолкнул из машины. Выставил, словно голую, на обозрение людей. Да, я была одета, но все мои чувства оголены и выставлены напоказ. Головорезы мигом уселись, машина тронулась с противным визгом колес, умчалась, а я так и стояла – растерянная и растоптанная.

ГЛАВА 4

Домой я вернулась под вечер, долго бродила по городу, думала, прикидывала. Уезжать мне не нужно, но что делать дальше? Куда идти работать? Практически везде нужны документы, даже если пойти техничкой в школу или посудомойкой в кафе.

Все это не то. Хотелось жить, а не выживать. Мне двадцать три года, пора задумываться о чем-то серьезном, вечный побег утомляет. Хотелось иметь свой уголок в этом мире, мужа, детей. Собаку или кошку. Жить нормальной жизнью.

Пока стояла на мосту, с завистью смотрела на замки, что висели как знак долгой любви молодоженов. Будет ли у меня однажды свадьба? Пусть не пышная, без платья и прочей мишуры, только роспись, но с любимым человеком.

Я ни разу ни в кого не влюблялась по-настоящему, были интрижки, симпатии, но любви – нет. Долгое время не верила в нее, возможно, не верю до сих пор. Но очень хочу. В детстве мама часто рассказывала мне, что всем сердцем и душой любила отца. Полюбила практически с первого взгляда. Я его не помню, его убили, когда мне было пять лет. И потом мы очутились в доме отчима.

Как же мне захотелось спросить у мамы, зачем она добровольно принесла себя в жертву монстру, ради чего? Не верилось в ту байку, которую охотно раз за разом пересказывал отчим, он постоянно затыкал матери рот и повторял:

– Она со мной ради красивой, богатой жизни. Ты же не хочешь жить, как прежде, в хрущевке, с соседями-алкашами и питаться чем придется?

Мать подтверждала, но чем старше я становилась, тем чаще видела в ее глазах боль и обреченность. Во всей этой истории осталась недосказанность, много пробелов и нестыковок. Я даже не знала, где могила отца. Не знала его фамилии, ни разу не видела фото. Любые упоминания о нем жестко пресекались отчимом. Порой мне казалось, что отец жив, но по какой-то причине бросил нас. Может, проиграл авторитету много денег или провинился как-то. А матери пришлось расплачиваться.

Отвлечшись от всего этого, я вспомнила про телефон, по которому меня вычислил Руслан. Странно, ведь первым делом я купила самый дешевый подержанный смартфон и заплатила бомжу с паспортом, чтобы он на себя оформил номер. Неужели бомж сдал? Больше так рисковать нельзя. Я сломала и выбросила симку в реку, собираясь позже придумать, как снова раздобыть себе новый номер.

В квартире меня ждала хозяйка. Бабуля хозяйничала на кухне – еще с порога я почувствовала дурманящий аромат духовых пирожков, в квартире витал запах травяного чая. Он успокаивал и дарил уют.

– Здравствуйте, Нина Валентиновна, – поздоровалась я, войдя на кухню.

Бабуля присела на стул, пригласила и меня. Вроде среда, а мне было велено уехать в пятницу, в чем же дело? Когда мы тут жили с Машкой, она приходила четко раз в месяц, за деньгами на аренду и квартплатой, строго следила, чтобы мы ей не наделали бардака и ничего не украли. Было бы что тут брать, один хлам вокруг.

– Я съеду в пятницу, как и договаривались, не переживайте.

– Так оплачено все, куда съедешь? – бабуля насупилась. – Смотри, деньги не верну!

Какие деньги, о чем она? Мы с Машкой не платили за следующий месяц. Или Маша решила вернуться, с парнем не срослось? Хотя, бред. Она бы мне сообщила первым делом.

– Так вам, наверное, новые жильцы заплатили, вы забыли? – Может, бабуля в маразме? – Мы с Машкой говорили вам пару дней назад, что съедем, а вы и жильцов нашли за пару часов.

– Ну, правильно, – она кивнула, взяла пирожок и сунула мне в руки. – За квартиру не волнуйся. Оплачено же. Ешь, остынут.

Теплые, ванилью пахнут. Я полной грудью вдохнула яркий аромат сдобы и... Да что она мне зубы заговаривает, пирожок тычет.

– Так, Нина Валентиновна, что происходит? Я не платила за аренду, и Маша тоже. Кто вам дал деньги?

– А мне откуда знать? – бабуля пожала плечами. – Пришел мужик, сунул конверт: так мол и так, продлевай аренду на год, на тех же девушек. А мне-то что, главное деньги платят, а кто тут жить будет – это ваше дело.

Если это был Бехтеров, то почему дал денег за двоих? Я ведь теперь одна собиралась снимать. Мне не нужны от него подачки, отдам, как только смогу, главное работу поскорее найти. В том, что деньги принес кто-то из его людей, я даже не сомневаюсь. Зачем же ты так хочешь меня оставить в городе? Какой смысл, если уже нашел мне замену?

Думая о его новой пассии, во мне вскипела кровь. Ярость поднялась горечью к горлу. Я с лютой ненавистью откусила кусок пирожка и прожевала. Мне нужно было хоть что-то делать, лишь бы погасить в себе странное чувство. Противное и мерзкое, скользкое, как рыба. Ревность. Как я могу ее чувствовать, если между мной и Бехтеровым ничего не было? Один короткий поцелуй ничего не означает. Ведь, так?

Пока я размышляла о своих чувствах, бабуля записала показания счетчиков и ушла. Машкиных вещей в комнате уже не было, она опустела и стала холодной, страшной. Ненавижу одиночество. Я не представляла, как жить в пустой квартире. С самого первого месяца в этом городе я ни дня не провела в одиночестве. Или с девчонками из клининга, или с Машкой. Я боялась пустых помещений, неуютно в них, тоскливо. Так хоть какая-то компания была, а теперь хоть волком вой.

Утром я первым же делом начала искать для себя хоть какую-то работу. Пока что самой идеальной оказалась работа промоутером. Договорилась с потенциальным начальником, а он предложил мне начать с листовок на улице. Так и пролетел мой день – и деньги сразу. На первое время сойдет.

Закупила продукты на пару дней, потратив практически все заработанные деньги. Ну, хоть не голодаю – уже хорошо. Завтра снова обещали поставить на

точку и увеличить количество листовок. Мне нужно было накопить на фальшивый паспорт. Знать бы еще, у кого его взять потом. Решила пока не думать об этом, удовольствие не из дешевых, сколько мне понадобится работать на него? Год или два?

Пугала неизвестность. У меня не было ноутбука и интернета под рукой. Пока жила с Машкой, я время от времени просила у нее ноут и тщательно просматривала новости: кого разыскивают, кого убили. Ни отчима, ни меня – никого. Я даже отслеживала инст-страницы жен партнеров и друзей отчима, но и там не было никакой конкретики.

Он искал меня, я кожей чувствовала неприятности, с каждым днем жжение в солнечном сплетении становилось интенсивнее. Я не мониторила за последнюю неделю свои фото по сети, кто-то мог меня сфоткать и выложить в сеть, натолкнуть на след ищеек. Как бы я ни старалась себя обезопасить, всегда находились «но» и закон подлости.

Вечером следующего дня я была сильно вымотана, мне пришлось надеть на себя тяжелый костюм и ходить в нем под палящим солнцем. Я пыталась найти для себя плюсы в моменты духоты и отчаяния. По крайней мере, даже если бы меня сфотографировали и выложили в сеть, никто не узнал бы, кто под маской слоника.

Не переодеваясь, плюхнулась на диван, даже есть не хотелось, все потом. Завтра выходной. Какое счастье! Моему сну помешал звонок в дверь. С неохотой встала и поплелась к двери, взглянула в глазок. На пороге топтался незнакомый мальчик, он снова нажал на звонок. Может, внук хозяйки квартиры? Есть ли они у нее? Открыла дверь и улыбнулась парню.

– Привет, ты внук Нины...

Не успела договорить – из-за двери выскочили две крупные фигуры, одна из них затолкала меня в квартиру и прижала к стене. Одной рукой урод схватил меня за горло, а второй заткнул рот, прежде чем я успела закричать.

Я узнала мужчину... Широко распахнутыми глазами глядела в нахальную рожу самой преданной шестерки отчима – Березы. Нет! Ну, как же так? Как они смогли меня найти? Не хочу обратно, нет! Паника уже тянула ко мне свои

липкие ручонки, из-за нехватки воздуха на глаза навернулись слезы. Сморгнула их – некогда раскисать и трястись от страха, нужно действовать. Быстро взяла себя в руки, больно укусила убудка за ладонь, он взвыл и на секунду потерял бдительность, отпустил мое горло. Закричала что есть сил, но упустила некоторые мелочи...

Звонкая пощечина прилетела со второй стороны, голова дернулась назад и ударилась о стену от грубого удара. Перед глазами потемнело, а во рту появился металлический привкус. Мир пошатнулся перед глазами, тошнота подкатила к горлу, но, несмотря на все это, все еще хотелось побороться за жизнь. Пока медленно приходила в себя, Береза схватил меня за волосы на затылке и рывком дернул на себя, проревел:

- Ты мне за это ответишь, сука!

Превозмогая боль и подкатившую к горлу тошноту, плюнула кровью в лицо козлу, да пусть хоть убьет прямо здесь, но к отчиму я не вернусь. Не вернусь в прошлую, гнилую жизнь. Заметила, как сволочь вскинул кулак, крепко зажмурилась перед неизбежным ударом в лицо. Березу остановил второй мужик:

- Не бей в морду. Забыл? Нам велено не портить товар.

Я распахнула глаза и внимательно присмотрелась к новой шестерке отчима. Уродливый, гнусный тип, ничем не лучше Березы. Такой же вонючий шакал, жаждущий легких денег и красивой жизни. Они не понимают, что служат расходным материалом? Когда станут бесполезными, их убьют и закопают на свалке, как ненужный мусор.

Товар... Я всегда для отчима была товаром, который можно удачно продать или обменять. Он держал меня при себе, как сладкую конфетку, которую мог преподнести только в эксклюзивном виде. Неужели уже нашел, кому продать?

- Это точно она? – засомневался шакал. – Что-то не похожа девка на модель, как описывал хозяин.

- Она, – подтвердил Береза. – Знаю эту строптивую сучку, хозяин будет доволен. Ну что, добегалась, принцесса?

Ублюдки заржали, а я отчаянно пыталась придумать, как сбежать от них. Что ж, две новости: отчим жив и меня вскоре отведут к нему. Думай, Ева, думай! Не теряй самообладание, не поддавайся панике, ты сможешь найти выход! Ты сильная и смелая!

– Девка изуродована, Черный нам этого не простит, – занял шакал.

Береза осмотрел мою щеку, скривился, но в глубине его глаз до сих пор горела прежняя похоть. Я была объектом его вожделения, но тронь он меня, и отчим сразу бы отрубил ему член. Как и другим. Я находилась под запретом, можно было только смотреть, но не прикасаться. Хоть что-то сделал хорошее для меня. Но это было больше для него...

Если бы я знала раньше, что жизнь любого парня, находящегося рядом со мной, будет обречена... Ублюдок следил за моей жизнью и убирал любого, кто собирался посягнуть на мою невинность. Я не уберегла двух институтских парней, они пропали без вести и, боюсь представить, какие пережили муки перед смертью. Никогда себе этого не прощу...

– Пластика все исправит, не ной. Это не наша вина. Последи за ней, я позвоню боссу. Сообщу приятную новость. Уже не терпится получить обещанную награду!

Второй шакал притащил меня на кухню, вытащил из-под стола табуретку. Он действовал грубо: ударил меня в живот и сразу стиснул горло пальцами. Я скрутилась от боли, из глаз брызнули слезы отчаяния, легкие снова горели огнем из-за нехватки кислорода. Как только он разжал пальцы, раскрыла рот, но закричать не успела, в него вставили кляп. Шакал усадил меня на стул, но не связал – нечем, этим можно будет воспользоваться. Береза остался в коридоре, словно страхуя напарника, если я попытаюсь сбежать.

– Без фокусов, куколка, – предупредил он. – Твоя физиономия уже подпорчена, так что я церемониться не буду, сразу вмажу кулаком в лицо до потери сознания.

Это конец. Не вижу ни единого выхода из ситуации, но он должен быть, думай лучше! От размышлений отвлек разговор, я затаила дыхание и слушала:

– Босс, мы ее нашли, – с гордостью сообщил Береза, ухмыльнулся, козлиная. – Только есть одна маленькая проблема... – он замолчал на несколько секунд, пока говорил отчим. – Конечно, я лично обрадую вашу дочь... – снова замолчал, – Понял, привезем, не переживайте, не уйдет. Лис позаботится об этом.

Береза сбросил вызов, вошел на кухню. Я не отчаялась, у меня еще был шанс сбежать, пусть крошечный и рискованный, но все же. Им нужно воспользоваться, пока меня не вывезли из города.

– Хочешь знать, что с тобой будет, когда вернешься домой? – ехидно спросил шестерка.

– Нет.

Зачем спрашивать, если и так расскажет? Узнаю отчима, ублюдок намерено подливает масла в огонь, хочет, чтобы я изнывала от страха и паники, пока еду к нему. Чтобы знала свое место и впредь не совершала ошибок.

– Тебя продали, сучка. Знаешь, кому?

Продали... Я с отчаянием мотнула головой, не веря, что все правильно услышала.

– Мяснику. Он отвалил за твою целку миллион зелени.

Береза заржал, а Лис мгновенно подхватил его отвратный смех. Ледяной страх побежал мурашками по коже, меня бросило в жар, а затем в холод, слова Березы эхом прокатились по маленькой, душной комнатке. Слова ворвались в подсознание и устроили хаос в мыслях. Мясник... Отчим продал меня мужику, который обращается со своими женщинами зверским образом. Сколько их было за последнее время: десять или больше? Все они пропадали через месяц или раньше, мразь любит пускать кровь, упивается криками жертвы, приходит в экстаз, мучая женщин и насилуя их. Богатый больной ублюдок, которому не писан закон, закон – это он. Даже врагов он режет на части мачете, сам, лишь бы получить кайф от процесса и измазаться в крови...

– Я уже не девственница, – выпалила безжизненным тоном.

Может, так я буду не интересна больше Мяснику? Глупо, но нужно испробовать все способы. Я глядела в равнодушные глаза шестерки, а у самой тряслись поджилки. Береза хмыкнул, пожал плечами. Нет... Я лучше из окна выпрыгну, но домой не вернусь. Не хочу проходить через долгие часы мучения, лучше сразу умереть, чем постепенно, истекая кровью и теряя сознание от боли.

– Если так, – заговорил Лис, – тебе же хуже. Придется отрабатывать как-то отваленное бабло за целку. Видишь ли, Черный уже потратил зелень, вложил в бизнес, отдал долги. А Мясник не любит, когда его водят за нос. Нам и без того пришлось попотеть, чтобы вычислить тебя. Мы все на счетчике, поэтому, сучка, советую вести себя прилежно, иначе я за себя не ручаюсь, – рявкнул он мне в лицо.

С девственностью или без, мне все равно придется платить по счетам уroda, как и маме раньше. Нет, не будет этого! Мама жертвовала много раз собой, терпела унижения и издевательства, не для того, чтобы однажды я пошла по ее стопам. Отчим клялся ей, что меня не тронут, но время изменилось, и теперь я – его золотой ключ к решению проблем.

Подумать только, они все на счетчике у Мясника, а выгребать придется мне. С какой радости? Паника сменилась лютой яростью, адреналин хлынул в кровь, разжигая внутри огонь и подталкивая к действию. Черта с два отчим получит меня, пусть сам подставляет жопу Мяснику, уж она у него точно девственная!

Я решила схитрить, поникла на глазах у шакалов, опустила голову. Сделала вид, что приняла свою участь, демонстративно заплакала. Этого оказалось достаточно, чтобы притупить бдительность – шестерки переключились на свой разговор.

Момент выдался удачный – твари упивались своей гениальностью, считая, что бабло уже у них в кармане. Они начали делить шкуру еще не убитого медведя. Идиоты вошли в кураж, даже не заметили, как я медленно встала со стула. Тихо взяла нож со стола. Руки тряслись из-за тревоги, что клубилась внизу живота и скручивала желудок в узел. Нелегко сознательно ранить человека, пусть и морального ублюдка, но я же не убийца, которому море по колено! Меня подталкивал страх за собственную жизнь, ведь если не я их, то они меня. Выбор очевиден.

Лис заметил меня, кинулся вперед, он собрался выхватить нож из моих рук. Я отчаянно закричала и со всей силы, которая гудела внутри, всадила лезвие по рукоятку ему в бедро. Пальцы постепенно запачкались в чужой крови, я отпустила ручку ножа и попятилась.

Вопль Лиса прогремел на всю кухню, он схватился обеими руками за нож и рывком вытащил, а затем не удержался на ногах и упал на пол. Он кричал и корчился от боли и вместе с тем старался зажать кровоточащую рану. Меня лихорадочно трясло. Надо уходить, бежать сломя голову, пока не спохватился второй...

- На этот раз ты не уйдешь, дрянь.

Взревел Береза, кинулся на меня с остервенением в глазах. За секунду нашла в себе новые силы, адреналин бил ключом, мне нельзя сдаваться на полпути. Нельзя опускать руки раньше времени.

- Пошел ты, мразь!

С силой оттолкнула его от себя, Береза пошатнулся и упал прямо на стол, ломая его. Минутное промедление сыграло мне на руку, пулей выскочила из квартиры и бросилась прочь, хоть куда, лишь бы убраться подальше, лишь бы спастись!

Пока я бежала, слезы застилали глаза, а мысли сбивчиво путались. Мне нужно тихое место, чтобы переждать бурю, придумать новый план, как обезопасить себя.

Где же найти такое место? Я специально петляла дворами, чтобы запутать Березу, пустить по ложному следу, и в итоге очутилась около вокзала. Бежать! Хоть куда... подальше ото всех! Спасение было так близко, мне стоило только выйти из тени и очутиться в спасительной толпе людей. На заднем плане услышала рев мотора, а уже в следующую секунду кто-то рывком схватил меня под локоть и с силой дернул на себя, усадил в машину. Дверь заблокировалась.

Нет, нет! Я боролась до последнего с похитителями, кричала и рыдала, колотила кулаками все, что попадалось на пути.

– Угомонись, дура.

Отрезвляющая пощечина эхом прокатилась по салону, меня ударили не сильно, но достаточно, чтобы очнуться. Голос не Березы, но где гарантия, что у них нет подельников?

– Бэха предупреждал, чтобы ни ногой из города.

Руслан... Точно! Неужели я подсознательно этого и добивалась, чтобы меня нашли и остановили его люди? Проморгалась, предо мной был тот самый тип, который в прошлый раз сидел на переднем сидении. Человек Руслана.

В отчаянии схватилась за футболку мужчины и дернула верзилу на себя, он подчинился:

– Вези меня к нему, живо!

Я заметила, что невольно перепачкала кровью одежду верзилы, быстро оглядела себя и выругалась под нос. Если бы я в таком виде пришла на вокзал, боюсь представить, какие могли бы быть последствия. На улицу выскочила босиком и в домашней одежде, с окровавленными руками. А еще у меня разбита губа, я облизнула ее и ощутила металлический привкус на языке.

– Мы отвезем тебя обратно в квартиру, – равнодушно заявил верзила.

Его не волновали красные разводы на футболке, как и мой внешний вид. Конечно, они такое каждый день видят, что тут удивительного. Мне же было не по себе, тошнота и противный ком застряли в горле, мешали нормально дышать полной грудью. Я держалась из последних сил, на честном слове и струящимся по венам адреналине. Я уже поняла, как мне спастись... Нужно принести себя в жертву.

– Вези. Меня. К. Бехтерову! – отчеканила каждое слово, я начинала постепенно терять самообладание. – Мне нельзя домой, не видишь, в каком я виде? Меня там убьют!

Верзила лишь хмыкнул и явно не собирался выполнять просьбу. Что же делать?

– Я спасла его брата, мне обещали защиту, но что-то не вижу ее. Меня нашли те ублюдки и едва не убили, чудом спаслась.

Вранье так легко сорвалось с губ, о последствиях собиралась подумать после. Мне надо поговорить с Русланом лично. Мне нужна защита, плевать, что придется стать его куклой. Уж лучше с ним, чем с Мясником. Отчим жив, он получил миллион за меня и, ясное дело, теперь из-под земли достанет. Землю носом рыть будет, и Мясник подключится. Так какой смысл ерепениться, отчим не оставил мне выбора, тварь! Жаль, что не застрелила его, я бы с огромным удовольствием снова навела на него дуло и выстрелила бы, но уже в голову, чтобы наверняка.

Наверное, во мне кричали эмоции и испуг, но, черт возьми! Я не товар и не вещь, я – живой человек с чувствами и амбициями. К тому же отчим продал мою девственность, сволочь! Не меня конкретно... За миллион. Уму непостижимо. Не дам мрази такое счастье, пусть теперь как хочет, так и разбирается со своим долгом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lisovskaya_irina/lyal-ka-zakon-bandita

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)